

УДК 321.01

Капицын В. М.

Kapitsyn V. M.

**СЕМИОТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА****SEMIOTIC RESOURCES AND POLITICAL CULTURE****Аннотация**

Целями исследования, отраженного в данной статье, являются: во-первых, рассмотрение роли символов и символической политики в политическом процессе, место знаков и символов в политической культуре общества в зависимости от характера и степени ее зрелости; во-вторых, уточнение понимания места «soft power» в символической политике и политической культуре.

Методологически статья выполнена на основе междисциплинарности, с использованием теорий визуальной репрезентации, политической семиотики, культурной стигматизации.

Результатом исследовательской работы является разделение символических комплексов на позитивные и негативные. Комплексы, представляющие национальные интересы, закрепляют позитивную окраску символов своего народа и государства, союзных государств, и негативную – противостоящих сил. Позитивные символические комплексы выходят на высший уровень легитимации ценностей и норм конституций, официальных и неофициальных государственных и национальных символов.

Применение результатов исследования возможно при построении теоретико-методологических моделей использования семиотических ресурсов с учетом национально-исторических особенностей той или иной политической культуры.

К основным выводам относятся следующие положения. Знаки и символы – виды

Abstract

The objectives reported in the paper under study are: firstly, to examine the role of symbols and symbolic policy in the political process; signs and symbols in the political culture of society depending on the nature and degree of its maturity; secondly, to specify the place of “soft power” in symbolic policy and political culture.

Methodologically the paper presents the interdisciplinary basis, using theories of visual representation, political semiotics, and cultural stigmatization.

The output of the research is the division of symbolic complexes into positive and negative. The complexes representing national interests reinforce the positive colour of symbols of people and the state, allied nations, and negative ones reinforce the negative colour of symbols of the opposing forces. Positive character complexes are located on the highest level of legitimation – the values and norms of the Constitution, the official and unofficial state and national symbols.

The application of research output is possible in building theoretical and methodological models of semiotic resources based on national and historical features of political culture.

The main findings include the following: signs and symbols – the types of information, intermediaries between the knower and the object of knowledge – are concentrated in the symbolic complexes that are a political resource; they play an important role in the

информации, посредники между познающим и объектом познания – концентрируются в символических комплексах, являющихся ресурсом политики, занимают важное место в содержании и механизме политической культуры. «Мягкая сила» имеет знаково-символьное содержание и является инструментом символической политики. Объем понятия «мягкая сила» расширяется, но содержание понятия фиксируется на подвижном, но относительно определенном феномене, имеющем семиотические основания.

Ключевые слова: знаки и символы; политическая культура; символические ресурсы; символическая политика; символические комплексы; символы национальных интересов; «мягкая сила».

Роль символов и символической политики в политической процессе, место знаков и символов в политической культуре общества рассматриваются в зависимости от характера и степени ее зрелости. В дискурсе политической культуры видится целесообразным определить с пониманием места «soft power» в символической политике и политической культуре. Исследователи расширяют объем понятия, относя к инструментам «мягкой силы» не только язык, образование [18, с. 85], но и рекламу, миграцию, туризм, воссоединение семей. Нужно определиться с объемом и содержанием понятия и его коннотациями. Для настоящего времени это все более актуально. Обозначенный «визуальный поворот» общества переходит в стадию мультимедийного поворота [13, с. 146]. Благодаря символической политике, символы «мягкой силы» влияют на все сферы приватной и публичной жизни и становятся элементами общей и политической культуры. Представляется, что объем понятия «мягкая сила» действительно расширяется, тем более, если говорить о его инструментах. Но содержание понятия должно

content and mechanism of political culture. «Soft power» has a symbolic content and is a tool of symbolic policy. The scope of «soft power» is expanding, but the content of the notion is fixed on a mobile, but relatively specific phenomenon with semiotic base.

Keywords: signs and symbols; political culture; symbolic resources; the symbolic politics; symbolic complexes; symbols of national interests; «soft power».

фиксироваться хотя и на подвижном, но относительно определенном феномене, имеющем семиотические основания.

Знаки и символы – виды информации, посредники между познающим и объектом познания. Люди не взаимодействуют напрямую с объективной реальностью, а создают символы как искусственных посредников [см.: 12]. Причем символы, в отличие от знаков, не столько означают познаваемый объект, сколько кодируют знание о нем с помощью образов. В дискурсивном аспекте символы можно трактовать расширительно как принимаемые сообществом религиозные, морально-политические, идеологические святыни, идеи, идеалы, принципы, ценности [16, с. 30]. Вокруг этих символов всегда идут дебаты, функционирует политический и научный дискурс (элиты и общественности), а также обмен мнениями на уровне повседневности.

В когнитивном и дискурсивном плане символы – это вид более сложных знаков. Знаки чаще связаны со стереотипами, а символы означают выход за пределы тяготения стереотипов повседневности,

развиваются во многом благодаря метафорам, аллегориям, мифам, идеалам, представлениям о ценностях. К этому необходимо добавить механизм социальной и политической идентификации, поскольку для символизации необходимы когнитивные, оценочные, эмотивные стимулы, которые появляются, когда определенное число людей соотносит свои взгляды с терминальными, а не инструментальными ценностями. Это особенно важно для политических символов. «Мягкая сила» чаще всего применяется в политике. Типизация подобных обстоятельств требует анализа политической культуры и символической политики.

Знаки в политической культуре и символической политике. Знаки обслуживают, как правило, повседневную неполитическую жизнь («наивная семиотика»). Политическая культура своими корнями уходит в знаки повседневности (жизненных сфер), но сама функционирует, начиная с уровня политической жизни. Политическая жизнь – некое «буферное» образование – накапливает запросы и требования повседневности, адресованные государственной и партийной политике, отделяет повседневность от государственной и партийной политики, и в то же время соединяет государственную и партийную политику с повседневностью. Это и «поле» «проводки» сигналов от «высокой» политики (от политических элит) к повседневности. Выход государства на повседневность всегда опосредован политическими символами и осуществляется через политическую жизнь. Без политических символов собственно политика может низводиться до уровня административного управления.

Таким образом, политическая жизнь – область, где происходит дискурсивный перевод знаков повседневности в символы политической культуры общества. И основной силой, осуществляющей такой перевод, становится общественность. Конечно, процесс перевода знаков в символы испытывает, в той или иной степени, влияние

государственной политики и воздействие политических элит. Более того, государственная власть нередко инициирует формирование символов для политической жизни. Тем не менее, это не означает отрыва «буфера» от повседневности и полного замыкания его на государственной политике. Для политической жизни как «буферного» образования остро необходимы: а) опора на повседневность (референты); б) активность общественности, переводящей знаки в символы; в) влияние государственной и партийной политики. Другими словами, обеспечивается взаимодействие общественности как с повседневными знаками, так и сигналами политических элит и государственной политики.

Знаки повседневности могут получать усиление, например, в торговой рекламе, что переводит их в разряд символов, которые не перемещаются в политическую жизнь, т. е. не приобретают политического характера¹. Примером знаков повседневности могут служить те, что описывал Т. Веблен. Он назвал их «символами нормальной жизни»: «Сторонники определения нормальной жизни, как у всех, и их оппоненты при описании того, что такое нормальная жизнь, пользуются примерно одинаковым набором потребительских расходов – символов» [4, с. 173]. Речь у него идет о трех-четырех знаках – общих для многих людей потребительских расходах, приобретающих статус социально-экономического символа. Но такой символ мог перейти из социально-экономического в политический символ, если, например, возникала реальная угроза потери данного набора расходов. Так было в России в 2002 г. после принятия известного федерального закона № 122 («о монетизации льгот»), который резко изменил

¹ Хотя это утверждение весьма относительно, поскольку даже торговая реклама, а тем более социальная, отражает особенности политической культуры и идеологии [5, с. 340]. Тем не менее, как отмечает историк Е. Твердюкова, даже в 30-е годы торговая реклама в СССР обрела коммерческий характер [16, с. 151-154].

структуру расходов пенсионеров, условия получения льгот по инвалидности для лиц с ограниченной жизнедеятельностью. Пожилые люди вышли перекрывать проспекты в Москве, на митинги в ряде городов с требованиями отмены закона.

Политические символы как особый тип знаков возникают для обслуживания жизни политической, а также собственно государственной и партийной политики. Усиление (возвышение) знака до уровня символа идет в идеологическом и моральном плане (по высоте идеала, выраженно-го образом духоподъемности идеи и цели) за счет применения метафор, интерпретации исторической памяти, политизации мифов. Происходит междисциплинарная интеграция, например, специфических лингвистических терминов в методологию визуальных исследований: «визуальный оксюморон» (сочетание противоречивых понятий), в котором выделяются два принципиально разных подхода: логический и интуитивный, первый из которых наиболее подвержен влиянию традиционности [5, с. 68]. Символы возникают в результате дискурсного и визуального усиления восприятия знаков повседневности (предметов и фактов практического опыта) за счет выстраивания интерпретации смыслов (идей) и образов. Например, противопоставления образов воплощений «добра» и «зла» («героев и злодеев»), «богатства» и «бедности», представителей «центра» и «окраин», «столицы» и «периферии». Происходит идентификация позиций людей с такими образами и смыслами. Так, например, региональные знаки благополучия в России связывают с Москвой и Санкт-Петербургом [14, с. 41], а также еще некоторыми городами (регионами) – Белгородом, Ханты-Мансийском. Эти знаки также стали социально-экономическими символами, но при последующем росте социальной дифференциации регионов они могут перерасти в политический символ. Нечто подобное было в СССР в 1989–1991 гг., когда многие регионы начали требовать лучше-

го снабжения продуктами и товарами, как в Москве, а шахтеры организовали забастовки, принявшие впоследствии политический антиправительственный характер. Наблюдалось даже блокирование поставок продовольствия из регионов в Москву.

В семиозе (семиозисе) используются эффекты воображения, поражающие сознание, включая воздействие света, звука, композиции. Это известно из анализа пропаганды, который сделал, например, Г.Д. Лассуэл. Семиоз (семиозис) напоминает процесс воздействия образов на сознание и подсознание человека, его чувства и представления во время чтения книги, просмотра театрального спектакля, кинофильма или контента программ Интернета. В свое время Б. Рассел сетовал, что чтение «открыло» сознание человека для влияния разных сил, как добрых, так и пагубных. Кинематограф, телевидение и электронные технологии «открыли» сознание и подсознание людей еще «шире», сделали его еще более не защищенным по отношению к рекламе и политической пропаганде, что ставит перед политической культурой и политической наукой все более сложные задачи.

Все это способствует формированию семиотических ресурсов политики. Семиотические ресурсы политики придают смыслы актам присвоения, распределения и перераспределения материальных и нематериальных ресурсов. Отмечая значение семиотических ресурсов, Л.Е. Бляхер констатировал, что «сами по себе перераспределение и захват (освоение) суть не более чем технические средства», необходимые, «чтобы подчинить все общество единой ценности (трансценденции), земным модусом которой и выступает власть» [2, с. 21].

Homo symbolicum реализуется в культуре общества, homo politicum выражается через политическую культуру, соединяющую символы и идентичности, способствующие как социальной дифференциации,

так и социальной консолидации. Зрелая политическая культура как знаково-символьное образование формируется в политической жизни, помогающей более или менее удовлетворительно согласовывать все более необозримые и непредвиденные в своем разнообразии, а потому, как отметил Н. Луман, «контингентные» (трудно предсказуемые) ожидания и настроения. Часть разнородных стремлений участников политической жизни, благодаря зрелой политической культуре, соединяется в «пазлы» через представление идеалов, мифов, терминальных ценностей, включаясь частично в представления об общих, в том числе национальных, интересах. Политическая культура «фильтрует» знаки, пытается отсекают от политики часть знаков и символов, за которыми стоят деструктивный опыт, нереализуемые, слишком радикальные ожидания и стремления отдельных групп или слоев. Зрелая политическая культура выстраивает определенные иерархии ценностей и соответствующих символов, например, стараясь десимволизировать потребительские представления людей в современном обществе. Особенно важно, чтобы политизируемый потенциал радикальных и других дезориентирующих знаков ослаблялся, оставлялся в «лоне» повседневности или блокировался в «буфере» политической жизни под влиянием государственной и партийной политики, получая четкую политическую маркировку как опасный (нежелательный).

Политические символы, вращаясь в «буфере», могут деполитизироваться, и тогда перестают влиять на сознание людей, что требует обновления политической символики, оживляющей политическую культуру. Слабость политических символов в таком «буфере» может обуславливаться, например, политической цензурой, аномией, апатией граждан. А это ведет к переходу политики «на кухню», в анекдоты, а значит, к постепенной

делегиитимации власти. Какое-то время это не сказывается на функционировании государственной власти, но в определенные моменты быстро политизирующиеся символы выносятся из повседневности («из кухонь») на улицы и площади. Тогда политическая жизнь «переполняется» символами, которые политизируются, что означает «перегрев» «буфера», ведущий к политизации обычных тем повседневности и лавинообразному росту политических требований к государственной власти. Политическая культура призвана не допускать подобных состояний политической жизни и государственной политики, а если уж такое свершилось, то помочь достижению стабилизации.

Политическая культура показывает роль различных символов в обеспечении легитимации и политического влияния государственной власти. Политический семиозис призван приобщать граждан к участию в делах, обретающих общий смысл (общественных и государственных делах). Таким образом, семиозис включается в механизмы связи общих (национальных) интересов с различными партикулярными интересами. От этой связи зависит, поможет ли символьная подсистема общества согласовывать необозримые и непредвиденные, т. е. контингентные ожидания разных слоев, создавать и поддерживать некий относительно предсказуемый эмерджентный порядок. При этом необходимо редуцировать разнообразие и комплексность символов внешнего мира (системы), чтобы упрощать восприятие общих дел и общих интересов.

Чем успешнее политическая культура использует семиозис, тем эффективнее может применяться «мягкая сила» в имя национальных интересов. Символы национальных интересов показывают один из центральных модусов политической культуры, который задает «рамки» степени разнообразия партикулярных (индивидуальных и групповых) политических интере-

сов. От этого зависит широта и наполнение «буфера» («накопителя»), называемого «политическая жизнь», как посредника между повседневностью и официальной политикой. Широта «буфера» регулируется с помощью символов в тех «рамках», которые способствуют позитивному функционированию государственной и партийной политики. Нежелательные варианты: – а) стагнация («оскудение») политической жизни в силу обесценения символов (обесмысливания деятельности, являющейся референтом символов), гражданская апатия; б) переполнение «буфера» символами, политизирующими повседневные дела, а далее – флуктуации, беспорядки, бунты, революции. Во всех вариантах характер применения «мягкой силы» зависит от политической культуры, толкования символов национальных интересов.

Символы национальных интересов – социальные конструкты, способствующие усилению системной консолидации за счет выстраивания некоторых символьных и идентификационных векторов. Они ориентируют значительное число соотечественников на принятие национально-государственных ценностей в качестве общих, мотивирующих разные социальные группы на поддержание внутренней и внешней безопасности, признание за пределами повседневности приоритета национальных интересов по отношению к партикулярным, а также инонациональным ценностям других государств. «Мягкая сила» с ее символами может серьезно снижать напряженность (поляризованность, конфликтность) политической культуры, что позитивно сказывается на внутренней и внешней политике.

Для применения «мягкой силы» крайне важна инфраструктура символьной политики государства. Это – часть культурной политики и политики идентичности, в которой символы «мягкой власти» занимают особое место. Ф. Бродель, рассматривая основные задачи государства, наряду

с монополизацией потенциала насилия и контролем над экономической жизнью выделяет также участие в духовной жизни, необходимость «извлечь дополнительную силу из могущественных религиозных ценностей, делая между ними выбор или же уступая им» [3, с. 521-522].

В зависимости от того, как относятся люди, партии, движения к символам национальных интересов, мы можем говорить о консолидирующем потенциале «мягкой силы» в политической культуре. Если этого нет, то мы имеем дело с некой совокупностью разнообразных партикулярных субкультур, в которой космополитические и частные (групповые, корпоративные, партийные, индивидуальные) знаки и символы подавляют символы национальных интересов. У многих еще остаются перед глазами наглядные картины развала СССР и Федеративной Югославии, «полураспада» Российской Федерации в 1990-е гг. О.А. Кармадонов проследил дискурсно-символическое обесценение символов труда по мере партикуляризации значительных сегментов общественной жизни в СССР второй половины 1980-х гг., когда не удалось подготовить постепенное изменение политической культуры. Ослабление символов прежних консолидирующих ценностей не сопровождалось дискурсно-символическим воспроизводством других символов и ценностей в качестве консолидирующей основы. А это означало подрыв основ государственного строя, приведший к развалу политической системы, а затем и экономики [11, с. 3-13].

Разнообразие потребностей и интересов у людей – вполне нормальный процесс, совершающийся, как правило, по мере удовлетворения базовых потребностей (А. Маслоу). В таком процессе постепенно на передний план выдвигаются социально-функциональные и политические потребности: относительная свобода принятия решений, идентификации с определенными кругами, свобода гово-

рить то, что считаешь нужным, включаться в работу общественных объединений, интересоваться политикой, участвовать в ней и т. д. Все это многообразие потребностей и действий ограничивается только наличием свободного времени, материальными возможностями каждого, здоровьем, силой воли, способностью организовать время и пространство (формирование качественного времени и пространства) [7]. И здесь вопрос уже касается не только режима и стиля использования свободы, соотношения политической культуры общества и субкультур отдельных групп, но и возможностей применения «мягкой силы».

Символьная политика объединяет идеи и ценности в идеологии и мировоззрении, выступающие как «платформа» для легитимации национальных интересов. Символьная политика способствует связи знаков и символов разных уровней в политической культуре, выстраивая их иерархию, восходящую, в конечном счете, к концепции национальной памяти, истории, что формирует основу применения «мягкой силы». Артикуляция такой концепции помогает выстраивать иерархию знаков в консолидирующих символьных комплексах для дистанцирования или сближения национальных и универсальных (космополитических) символов. И здесь роль «мягкой силы» очень велика [10, с. 70-79].

Политическая культура как консолидирующая сила общества. Политическая культура общества как не-институциональное символьное образование не исключает партикулярных символов, идентичностей, кодирующих частные интересы. Но, так или иначе, она имплицитно предполагает включение символов «мягкой силы» в символьную политику и направленность их на консолидацию общества, их интегрирующую роль, помогающую легитимации национальных интересов.

Тем самым политическая культура способствует: а) формированию общих принципов и норм; б) конструированию национальной или национально-государст-

венной идентичности, артикулирующей в ментальности определенные культурные и политические символы; в) гласному и целенаправленному дискурсу «общественного договора», социальных компромиссов на основе сочетания общественных и партикулярных (индивидуальных, корпоративных, этнических, региональных) интересов; г) конструированию и закреплению в политической жизни символов национальных интересов, артикуляции их приоритета, выделения в них сегментов, способных соединять определенные составляющие партикулярных интересов, объединяя, таким образом, места, регионы, народы, социальные группы, этносы в нацию или империю.

Можно, следуя за немецким политологом А. Дёрнером, сказать и о том, что символы в зрелой политической культуре противостоят отвлечению, симуляции, псевдо- и эрзац-политике, а политико-символический акт является незаменимым способом политического управления [19, с. 20]. В этом плане политическая культура опирается на «мягкую силу» как знаково-символьную подсистему в политической системе общества, которая активно влияет на политическую жизнь и способствует «обратной связи». Так подключаются к политической культуре знаково-символьные подсистемы (государственный язык, искусство (особенно музыка и кинематограф), наука, спорт, мораль, религия, геральдика, СМИ и т. д.).

Политическая культура влияет на воспроизводство знаков и символов, интерпретацию универсальных, национальных и локальных знаков (символов), что стимулирует ожидания солидарности, повышающие престиж государства и значение консолидации, международную и внутривнутриполитическую идентификационную состоятельность государства. В периоды последовательного отторжения прежних символьных комплексов политическая культура должна, сохраняя часть прежних политических символов, конструировать и новые символы. С помощью символов политическая культура

выстраивает «мостики» преемственности, исторической памяти.

В 2000-е гг. в государственной политике России произошло изменение подходов к преемственности символов. В 1996 г. на выборах Президента России политическая технология президентской кампании Б.Н. Ельцина строилась на том, что все символы советского прошлого и ностальгия по нему выступали как негативный знак, стигма социального поражения и стремления к реваншу. Страх перед этим реваншем стимулировал голосование за Б.Н. Ельцина. А в 2000-е гг. государственная политика способствовала возвращению в политическую жизнь символов советского прошлого с изменением знака «минус» на «плюс». Эти символы перестали быть неким компенсаторным прибежищем только той части общества, которая не встретила в социальную и экономическую реальность 1990-х гг. [9]. Наоборот, в них стали усматривать даже ресурс постсоветской политической культуры.

Исследователей привлекает проблема консолидации. Каким образом знаки, гетерогенные и партикулярные, означающие статусы отдельных людей и групп с их достижительной направленностью (личный «успех», «карьера», обладание вещами), ситуационным или инструментально обусловленным игнорированием совместных действий (в общих интересах), совмещаются с солидаризирующими знаками и символами общих интересов, вплоть до того, что люди идентифицируются с национальными (государственными) интересами? Почему и как знаки, став символами, в том числе политическими, включаются в символьные комплексы национальных интересов, соединяются с национальной идеей, встраиваются в определенную иерархию (символьную «пирамиду»), воспринимаемую позитивно большинством данной нации (народа)?

Отметим, что символизация национальных интересов осуществляется, прежде всего, с помощью символьных комплексов.

Как возникают символьные комплексы? М. Эдельман обращает внимание на «сгущающие символы» («знаки-конденсаты») в политической коммуникации, возбуждающие массовые эмоции и объединяющие их в одно символическое событие [см. 15]. Д.Н. Замятин пишет о «борьбе образов» («войне образов»), когда образы, дополняемые новыми социокультурными «репрезентациями» и творческими актами, могут «разбегаться» и одновременно «собираться», сосредотачиваться в ментальные «знаково-символические сгустки» («прото-ядра») [8, с. 10].

Символьные комплексы, помогающие придавать «духоподъемную силу» национальным интересам, складываются как многоуровневые. Так, их «нижние» уровни (знаки и символы повседневности) формируются как латентная часть, «снимаемая» символами национальных интересов, и могут не улавливаться визуально (текстуально, аудиально) в самом символьном комплексе. На этом уровне идет процесс воспроизводства и восприятия знаков повседневной жизни, в частности, партикулярных и групповых статусных знаков, и выработки объединяющих ценностей. Это заметно относительно знаков, ставших сферными неполитическими символами, которые утверждают ценностные коды в основных жизненных сферах. Затем идет уровень системы национальных символов-добродетелей, знаменующий или востребующий ценности данного народа, подготавливающие апелляцию к символам национальных интересов. Таков, например, скульптурный ансамбль в Великом Новгороде – памятник 1000-летия российской государственности, возводящий знаки повседневности на уровень государственной политики. Государственные гербы, возвышенные скульптурные ансамбли, флаги, гимны, преамбулы конституций включают знаки повседневности – горы, реки, растения, животных, снопы и колосья пшеницы, серп, молот, машины, образы простых тружеников, воинов, матери, отца и т. д. Все это подчиняется логике

действия «мягкой силы».

Символьные комплексы различаются как позитивные и негативные. Комплексы, представляющие национальные интересы, закрепляют позитивную окраску символов своего народа и государства, союзных государств, и негативную – противостоящих сил. Позитивные символьные комплексы выходят на высший уровень легитимации – ценностей и норм конституций, официальных и неофициальных национальных символов, государственных символов (герб, гимн, флаг, столица, конституция). Исследователи говорят также о над-конституционных символах-ценностях. А. Аузан относит к таковым «общественный договор» с его неформальными правилами (ценностями): в США – индивидуальная свобода, частная собственность и конкуренция; у англичан – ещё и традиция; у немцев – «порядок» (*Ordnung*) [1]. У греков, сербов, русских (и ряда православных народов России) таковы ценности православия (у греков – образ Троицы в Преамбуле Конституции); у ирландцев, поляков, итальянцев, испанцев, бразильцев – католицизм (у ирландцев – образ Христа в Преамбуле Конституции; у бразильцев – скульптура Христа на высоком холме у Рио-де-Жанейро); у иранцев – шиитские святыни, у саудовцев – суннитские.

Иллюстрацией сочетания символов разных уровней как проявления «мягкой силы» можно считать включение символов высших ценностей в символьный комплекс, например, мемориала Победы на Поклонной горе в Москве. В него входит Монумент – стела, стилизующая штык русской винтовки. Длина стелы 141,8 метров (по одному дециметру на каждый день Великой Отечественной войны). На высоте 104 метров закреплена скульптурная группа – богиня Ника и два амура, трубящие победу. У подножия стелы – Георгий Победоносец, поражающий змея – символ победы добра над

злом. Монумент обрамляется полукружьем пантеона.

Перспективы исследования семиотических ресурсов политики и политической культуры. Конструирование позитивных символьных комплексов нацеливает на траекторию позитивного развития общества на основе национальной консолидации. Знаково-символьная архитектура «мягкой силы» как семиотического ресурса предполагает изучение исторической политики («политики памяти») и политики идентичности как составляющих символьной политики. По-прежнему политика памяти остается сильным ресурсом символьной политики России, в том числе и подспорьем политической модернизации. И. Калинин, характеризуя символьную политику 2000-х гг., отметил: «Единство истории обеспечивается органической общностью крови, связывающей предков и потомков. А успех модернизации, преодолевающей советское прошлое, оказывается производным от вписанных в это же самое прошлое побед. Модернизация обречена на победу, потому что ее субъектами являются «наследники победителей». <...> Нынешняя власть пытается (и не без успеха) перехватить травматическую энергию утраты у тех, кто хотел бы сделать ее источником протестных настроений и хотя бы частичного возвращения советского проекта» [9].

В 1990-е гг. символы мирного и ратного труда в России отступили куда-то в глубины подсознания или ностальгирующей памяти, оттесненные хроникой накопления капитала и кровавых разборок из-за денег и другого имущества. В 2000-е гг. положение дел начало несколько меняться: позитивные знаки повседневности возрождались в политической жизни, расширяя «поле» применения символов «мягкой силы». Это – основа идентификационно-семиотического подхода при изучении политической культуры и конструировании консолидирующих символьных комплексов. Но в 2010-

е гг. стало проясняться, что традиционное конструирование символов «мягкой силы» будет эффективно только при восстановлении доверия к символам власти и соответствующим символьным персонам. Российское общество с надеждой и нетерпением ждало системной борьбы с коррупцией чиновников. Последняя принижала все символы национальных интересов, что грозило низвести российскую политическую культуру до уровня слабо связанных и противодействующих субкультур, соединяемых периодически только политикой памяти и «образом врага».

Следует отметить значение символов «мягкой силы» для разработки концепта «зрелой политической культуры». Посылки к такому концепту следующие. Это, прежде всего, зрелая политическая культура, которая стремится к опциональности в применении «мягкой силы», характеризующейся способностью выдвижения альтернатив в интерпретации символов, но одновременно при решении спорных вопросов, преодолении разногласий – сохранения опорных национальных символьных комплексов как основы консолидации общества. Это – зрелость политической культуры, которая проявляется в регулировании активности политической жизни, устранения состояний ее «переполненности» или, наоборот, «опустошенности» относительно политизированных символов, а также разобщенности и «враждебности» этих символов. Такое регулирование в применении «мягкой силы» зависит от наличия достаточного количества позитивных символьных комплексов, которые обеспечивают соединение множества знаков наподобие неких «пазлов», выражающих как партикулярные, так и национальные интересы, выстраивающиеся в необходимой иерархии. Зрелые политические культуры обладают определенной силой воздействия «мягкой силы» («сильные» политические культуры), но могут быть «ослаблены» ввиду ослабления символов национальных интересов. Символы

«мягкой силы» в политической культуре позволяют завоевывать сознание и подсознание людей, живущих в других, менее «зрелых» или ослабленных (более «слабых») политических культурах, если в последних разрушены опорные позитивные символьные комплексы. «Слабые» политические культуры характеризуются «растворением» своих позитивных символьных комплексов, утерей привлекательности «мягкой силы», в том числе, по мере заимствования значительного числа более привлекательных символов из других («сильных») культур. Наконец следует отметить, что значение концепта «зрелой политической культуры» возрастает по мере того, как все более актуализируются «войны за идентичность» (Ал. Громыко), когда «сильные» культуры получают возможность забирать необходимые ресурсы у «слабых» культур за счет применения «мягкой силы».

Политика в постсоветской России накопила определенные семиотические ресурсы, реформировав их в 2000-е годы за счет оптимизации символов советского прошлого в новом событийном контексте, в том числе за счет развертывания «мягкой силы» на международной арене. В 2013 г. элементы «мягкой силы» России проявились в успешной работе G-20, особенно в отношении регулирования кризиса международных отношений вокруг сирийского вопроса. Более зрелой стала деятельность по разъяснению ценностей и целей российской политики за рубежом. В стране прошла грандиозная эстафета олимпийского огня, посетившая множество регионов России. Это проявление «мягкой силы» направлено на консолидацию российского общества, чтобы придать новые импульсы формированию российской национальной идентичности. В свою очередь, проведение Олимпиады в Сочи, успех наших олимпийцев и параолимпийцев мог бы породить новые символы «мягкой силы», способные ослабить негативные тренды в развитии экономики и международных отношений и

усилить семиотические ресурсы консолидации российского общества.

Литература:

1. Аузан А.А. Национальные ценности и конституционный строй // Лекция. Polit. Ru. 6 декабря 2007. URL: <http://polit.ru/article/2007/12/06/auzan/> (дата обращения 20.12.2013).

2. Бляхер Л.Е. Архаические механизмы легитимации власти в России, или очерки об истоках ностальгического сознания // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2008. № 3(50). С. 7–29.

3. Бродель Ф. Материальная организация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Том 2. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. 632 с.

4. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 110 с.

5. Волкова О.А. Труд в социально-экономической политике государства: делтиологический подход // Информационные войны. 2009. № 2. С. 64–71.

6. Глитерник Э.М. Реклама в России XVIII – первой половины XX века: опыт иллюстрированных очерков. СПб.: Аврора, 2007. 231 с.

7. Долгин А. Перепроизводство свободы как причина кризиса. Лекция // Polit. Ru. 17 декабря 2008. URL: <http://polit.ru/article/2008/12/17/dolgin/> (дата обращения 20.12.2013).

8. Замятин Д.Н. Геоспациализм: онтологическая динамика пространственных образов // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 3–11.

9. Калинин И. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2010. № 74. С. 5–14.

10. Капицын В.М. Космополитизм как компонент «мягкой силы» и глобального управления // Обозреватель–Observer. 2009. Т. 237. № 10. С. 70–79.

11. Кармадонов О.А. Социальная стратификация в дискурсивно-символическом

аспекте // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 3–13.

12. Кассирер Э. Опыт о человеке // Кассирер Э. Избранное. М.: Гардарика, 1998. С. 37–66.

13. Колодий Н.А., Колодий В.В. Визуальный поворот и его влияние на социальное познание // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316. № 6. С. 146–152.

14. Красильникова М. Культура бедности. Постсоветский комментарий к Веблену // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. Январь–март. № 1 (107). С. 11–26.

15. Поцелуев С.П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. Выпуск 1. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 24–38.

16. Розов Н.С. Специфика «русской власти», ее ментальные структуры, ритуальные практики и институты // Политические исследования. 2011. № 1. С. 29–41.

17. Твердюкова Е. «Ты, брат не скучай, пей всегда грузинский чай». Советская торговая реклама второй половины 30-х годов // Родина. Российский исторический журнал. 2012. № 12. С. 151–154.

18. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО. 2012. № 4. С. 85–93.

19. Dörner A. Politische Mythos und symbolische Politik. Reinbeck bei Gamburg: Rowohlt, 1996. 243 s.

References:

1. Auzan A.A. Natsionalnye tsennosti i konstitutsionny stroy // Lekciya. Polit. Ru. 6 dekabrya 2007 [National Values and Constitutional System // Lecture. Polit. Ru. December 6, 2007]. URL: <http://polit.ru/article/2007/12/06/auzan> (accessed December 20, 2013).

2. Blyakher L.E. Arkhaicheskiemekhanizmy legitimatsii vlasti v Rossii, ili ocherki ob istokah

nostalgicheskogo soznaniya // Politia. Analiz. Khronika. Prognoz [The Archaic Mechanisms of Legitimizing Power in Russia, Or the Outline of the Nostalgic Conscious Origins // Politia. Analysis. Chronicle. Forecast]. № 3(50). 2008. pp. 7-29.

3. Braudel F. Materialnaya organizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV-XVIII vv. Tom 2. Igra obmena [Material Organization, Economy and Capitalism in XV–XVIII Centuries. Volume 2. Exchange Games]. Moscow: Progress, 1988. 632 p.

4. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa [The Theory of the Leisure Class]. Moscow: Progress, 1984. 110 p.

5. Volkova O.A. Trud v sotsialno-ekonomicheskoy politike gosudarstva: deltiologicheskii podkhod // Informatsionnye voyny [Labor in the Social and Economic State Policy: The Deltiologic Approach // Information Warsъ. № 2. 2009. pp. 64–71.

6. Gliternik E.M. Reklama v Rossii XVIII – pervoi poloviny XX veka: opyt illustrirovannykh ocherkov [Advertising in Russia in the XVIII – First Part of the XX Centuries: Illustrated Essays]. St.-Petersburg.: Aurora, 2007. 231 p.

7. Dolgin A. Pereproizvodstvo svobody kak prichina krizisa. Lekciya // Polit.Ru/ 17 dekabrya 2008 [Freedom Overproduction as a Crisis Original Cause. Lecture // Polit. Ru. December 17, 2008]. URL: <http://polit.ru/article/2008/12/17/dolgin/> (accessed December 20, 2013).

8. Zamyatin D.N. Geospatsiolizm: ontologicheskaya dinamika prostranstvennykh obrazov // Sotsiologicheskie issledovaniya [Geospacialism: Ontological Dynamics of Spatial Images // Sociological Studies]. № 2. 2012. pp. 3–11.

9. Kalinin I. Nostalgicheskaya modernizatsiya: sovetskoye proshloye kak istoricheskiy gorizont // Neprikosnovenniy zapas. Debaty o politike i kulture [Nostalgic Modernization: The Soviet Past as a Historical Horizon // The Emergency Ration. Debates on Politics and Culture]. № 74. 2010. pp. 5–14.

10. Kapitsyn V.M. Kosmopolitizm kak component “myagkoy sily” i globalnogo

upravleniya // Obozrevatel-Observers [Cosmopolitanism as a Component of “Soft Power” and Global Administration // Obozrevatel-Observers]. Vol. 237. № 10. 2009. pp. 70–79.

11. Karmadonov O.A. Sotsialnaya stratifikatsiya v diskursivno-simvolicheskom aspekte// Sotsiologicheskie issledovaniya [Social Stratification in its Discursive-Symbolic Aspect // Sociological Studies]. № 6. 2010. pp. 3-13.

12. Cassirer E. Opyt o cheloveke // Cassirer E. Izbrannoe [An Essay on Man // Selected Works]. Moscow: Gardarika, 1998. pp. 37-66.

13. Kolody N.A., Kolody V.V. Vizualny povorot i ego vliyanie na sotsialnoye poznanie// Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta [Visual Turn and its Influence on Social Perception // The Bulletin of Tomsk Polytechnic University]. Vol. 316. № 6. 2010. pp. 146-152.

14. Krasilnikova M. Kultura bednosti. Postsovetskiy commentary k Veblenu // Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii [Culture of Poverty. Post-Soviet Comments on Veblen // The Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions. № 1 (107). January-March. 2011. pp. 11-26.

15. Potseluyev S.P. “Simvolicheskaya politika”: k istorii kontsepta// Simvolicheskaya politika. Konstruirovaniye predstavleniy o proshlom kak vlastny resurs. Vypusk 1 [“Symbolic Policy”: History of the Concept // Symbolic Policy. Framing the Notions of Past as a Source of Power Issue 1]. Moscow: INION RAN, 2012. pp. 24-38.

16. Rozov N.S. Spetsifika “russkoy vlasti”, ee mentalnye struktury, ritualnye praktiki i instituty// Politicheskie issledovaniya [The Specific Nature of “Russian State Power”, Its Mental Structures, Ritual Practices, and Institutions // Political Studies]. № 1. 2011. pp. 29-41.

17. Tverdyukova E. “Ti, Brat, Ne Skuchay, Pey Vsegda Gruzinsky Chay”. Sovetskaya trgovaya reklama vtoroy poloviny 30-h godov

// Rodina. Rossiisky istorichesky zhurnal [Don't Get Bored, Bro, And Drink Georgian Tea. Soviet Trade Advertising of the Second Half of the Thirties // Rodina. Russian Historical Magazine]. № 12. 2012. pp. 151-154.

18. Torkunov A.V. Obrazovanie kak instrument "myagkoi sily" vo vneshney politike Rossii// Vestnik MGIMO [Education as a Soft Power Instrument of Russia's Foreign Policy // Vestnik of MGIMO-University]. № 4. 2012. pp. 85-93.

19. Dörner A. Politische Mythos und symbolische Politik. Reinbeck bei Gamburg: Rowohlt, 1996. 243 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ**Капицын****Владимир Михайлович***доктор политических наук,
профессор*

Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, Москва,
119991, Российская Федерация

Электронный адрес:
kapizin@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR**Kapitsyn****Vladimir Mikhailovich***Doctor of Political Sciences, Professor*

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow,
119991, Russia

E-mail: kapizin@yandex.ru